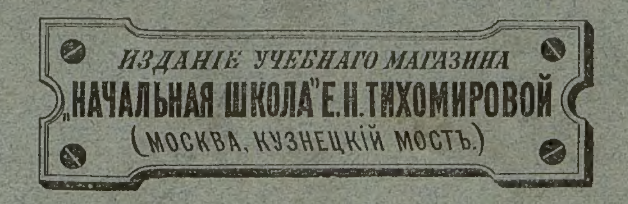
ПЕРВЫЕ ХРИСТІАНЕ НА РУСИ.

СКАЗАНІЕ о ЖИЗНИ СВЯТОГО и РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА и КРЕЩЕНІИ РУСИ.

Составилъ

инспекторъ народныхъ училищъ Нижегородской губ.

М. В. Овчинниковъ.

МОСКВА.
Тип. А. Левенсонъ и К°, Петровка, Рахман. пер., д. Левенсонъ.
1888

ПЕРВЫЕ ХРИСТІАНЕ НА РУСИ.

СКАЗАНІЕ о ЖИЗНИ СВЯТОГО и РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА и КРЕЩЕНІИ РУСИ.

Составилъ

инспекторъ народныхъ училищъ Нижегородской губ.

М. В. Овчинниковъ.

МОСКВА.
Тип. А. Левенсонъ и К°, Петровка, Рахман. пер., д. Левенсонъ.
1888

Дозволено цензурою. Москва, 1 Іюня, 1888 г

Введеніе.

ъ 1888 году исполнилось девятьсотъ лѣтъ со времени крещенія русскаго народа. Днемъ воспоминанія этого великаго для насъ событія избрано 15-е іюля, — день Святого Равноапостальнаго Великаго Князя Владиміра,—Апостола Руси.

Но прежде, чѣмъ говорить о крещеніи Руси, мы вспомнимъ о тѣхъ первыхъ христіанахъ, которые были провозвѣстниками христіанства на Руси, вспомнимъ о томъ, какъ они подготовили народъ къ принятію истинъ христіанскихъ.

Наши предки; ихъ бытъ.

Чѣмъ же были наши предки девятьсотъ лѣтъ тому назадъ, какъ они жили, чему вѣрили? Вотъ вопросы, на которые необходимо отвѣтить; только тогда предъ нами выяснится все величіе совершившагося событія—перемѣны вѣры.

Наши предки за тысячу слишкомъ лѣтъ тому назадъ не назывались русскими,—а Славянами: значитъ—имѣющими даръ слова; другихъ же народовъ, языка которыхъ они не понимали, называли нѣмцами—нѣмыми;—а какъ ближайшими сосѣдями Славянъ на западѣ были народы германскаго племени, то за ними и до сихъ поръ осталось названіе Нѣмцевъ.

Славяне пришли въ Европу изъ Азіи, гдѣ вообще жили первые люди, и поселились на р. Дунаѣ;—неспроста поется въ пѣсняхъ про тихій Дунай. А потомъ мало—помалу, тѣснимые другими народами, Славяне перешли въ нынѣшнія свои поселенія.

Первыя поселенія Славянъ были по теченію рѣкъ, такъ какъ рѣки были удобными дорогами. Наша страна въ настоящее время совершенно измѣнила свой видъ: тысячу лѣтъ тому назадъ она была покрыта дремучими лѣсами и болотами, такъ что почти единственными путями сообщенія были рѣки;—вотъ почему Славяне и селились по берегамъ большихъ рѣкъ и озеръ.

Около нынѣшняго Кіева, по среднему теченію р. Днѣпра, основали свои поселенія *Поляне*; они заняли мѣста удобныя для земледѣлія и скотоводства—поля. На западъ отъ нихъ, по р. Припети (правый притокъ Днѣпра), среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ, сѣли *Древляне*,—это былъ народъ суроваго нрава, жилъ неопрятно и занимался звѣринымъ промысломъ.

По большой водной дорогѣ нѣкоторыя славянскія племена пробрались далеко на полночь,—къ оз. Ильменю, и сѣли вокругъ него—*Славяне Ильменскіе*. Страна эта была суровая, лѣсная и болотная; много въ ней было рѣкъ и рѣчекъ, озеръ и болотъ. Поэтому и жизнь Ильменскихъ Славянъ сложилась иначе: они стали рыболовами и звѣроловами, это былъ народъ отважный, смѣлый; на своихъ легкихъ лодкахъ они выѣзжали даже въ море *Варяжское* (Балтійское) и спускались по Днѣпру къ Полянамъ, вымѣнивали у нихъ хлѣбъ на звѣриныя шкуры и рыбу. Проходили они въ Днѣпръ такъ: плыли по оз. Ильменю, потомъ рѣкою Ловатью; а затѣмъ ладьи свои перетаскивали до верховья Днѣпра—волокомъ, или везли на колесахъ.

Жили Славяне отдѣльными поселками—деревнями. Каждый родъ жилъ особо; старшаго въ родѣ, родоначальника,—всѣ слушали,—онъ творилъ судъ и расправу. Если же случались какія общія для всего племени дѣла, напр. война, то всѣ старшіе собирались на совѣщаніе—*вѣче*.

Хотя Славяне, особенно Поляне, и были народъ миролюбивый, но нерѣдко имъ приходилось вести войны со своими сосѣдями,—на югѣ со степными народами, а на сѣверѣ съ воинственными *Варягами* (норманами). Тѣ и другіе часто нападали на мирныхъ поселянъ, грабили, убивали, или уводили въ плѣнъ. Славянамъ

приходилось обороняться; стали они строить загороди изъ частокола, окружали ихъ рвами и валами. Въ случаѣ нападенія враговъ, народъ забиралъ наиболѣе цѣнные и необходимые пожитки и спасался въ эти укрѣпленія. Въ болѣе опасныхъ мѣстахъ народъ сталъ жить постоянно въ этихъ укрѣпленіяхъ; такъ образовались первые города: у Полянъ былъ Кіевъ, у Ильменскихъ Славянъ—Новгородъ, у Древлянъ—Коростенъ и друг.—И до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ земли Русской встрѣчаются остатки древнихъ городовъ—валы и рвы, такъ называемыя городища.

Окруженные врагами, Славяне должны были постоянно быть наготовѣ; постоянныя опасности заставляли ихъ соединяться и избирать себѣ военачальниковъ,—сначала только на время войны, а потомъ и постоянныхъ князей. Когда князь былъ выбранъ, то его сажали на большой камень, чтобы его видѣлъ весь собравшійся народъ. Здѣсь князь торжественно давалъ обѣщаніе управлять и судить народъ по правдѣ. Первые князья, собравшіе Славянъ въ одинъ сильный народъ, появились на сѣверѣ, въ странѣ Ильменскихъ Славянъ. Князья эти были призваны изъ-за моря, изъ Варяжскаго племени Русь; это названіе перешло и къ Славянамъ,—они стали называться *русскими*.

Вѣра древнихъ Славянъ.

Въ это время, о которомъ мы говоримъ (въ X вѣкѣ), Славяне были язычники: они поклонялись явленіямъ природы и свѣтиламъ небеснымъ. Первобытные люди находились въ полной зависимости отъ окружающей ихъ природы и почитали за бога то, что имъ приносило пользу, или возбуждало въ нихъ необъяснимый страхъ. Видитъ человѣкъ, что солнце движется по небу, и думаетъ, что это ѣдетъ богъ въ огненной колесницѣ; грянетъ громъ,—это другой богъ ѣдетъ по небу и мечетъ огненныя стрѣлы на землю. Богъ солнца у Славянъ назывался *Хорсъ*, или *Даждъ-Богъ*; громъ и молнія олицетворялись въ образѣ бога—*Перуна*; богъ вѣтровъ—*Стрибогъ* и покровитель стадъ—*Велесъ*. Всѣ эти боги считались дѣтьми бога неба—*Сварога* и назывались сварожичами. Все это боги добрые. Но если люди прогнѣвляли боговъ, тогда боги мстили людямъ: солнце своими палящими лучами изсушитъ всю влагу, выжжетъ всю растительность; Стрибогъ не нагонитъ вѣтровъ; а

Велесъ пошлетъ моръ на скотъ. Но самый страшный изъ боговъ былъ Перунъ, месть его ужасна: онъ во всякое время дня и ночи можетъ поразить человѣка своими огненными стрѣлами, спалить его жилище и все имущество; поэтому Перунъ у Славянъ пользовался наибольшимъ почетомъ, и его идолъ украшался драгоцѣнностями: такъ въ Кіевѣ, близъ княжескаго дворца, на холмѣ красовался деревянный Перунъ, съ серебряной головой и золотыми усами. Клятва, произносимая предъ Перуномъ, считалась ненарушимою.

Славяне обыкновенно слагали у ногъ идола свое оружіе и клялись: „пусть мы не будемъ имѣть помощи у Перуна; пусть не укроютъ насъ наши щиты, если задумаемъ нарушить наше обѣщаніе; пусть будемъ изсѣчены своими мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ; да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ; да проклянутъ насъ боги Перунъ и Велесъ; пусть пожелтѣемъ, какъ золото".

Былъ у Славянъ и богъ земледѣлія: въ старинныхъ пѣсняхъ и теперь еще поминается Микулушка Селяниновичъ, у него:

Сошка была позолочена,
Омешки были булатные.

Одинъ изъ русскихъ богатырей Вольга нѣсколько дней верхомъ не могъ догнать этого ратая. Остановилъ онъ этого ратая добрымъ словомъ и послалъ свою дружину отобрать сошку позолоченую; но сила-рать великая не могла и съ мѣста сдвинуть сошку. Подошелъ Микула и пихнулъ сошку:

Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рогача въ землю.

Про нашего любимаго богатыря Илью Муромца поется въ пѣсняхъ, что когда онъ испрашивалъ у родителя благословеньица великаго на подвиги ратные, отецъ сказалъ Ильѣ:

Не бейся ты съ родомъ Микулинымъ,—
Любитъ его мать-сыра-земля.

Но кромѣ этихъ главныхъ боговъ, у Славянъ много было второстепенныхъ: такъ въ домѣ—домовой, въ лѣсу—лѣшій, въ во-

дѣ—водяной, русалки. Домовые, это души предковъ—дѣдовъ и прадѣдовъ; они, по вѣрованію Славянъ, оставались въ домѣ и покровительствовали своимъ родичамъ, ихъ называли „чуръ", или „щуръ", и въ случаѣ какого-либо несчастія встарину приговаривали: „чуръ меня защити"; и теперь въ играхъ кричатъ:—„чуръ меня!" Значитъ, Славяне вѣрили, что душа живетъ и послѣ смерти человѣка, вѣрили, что души являются къ роднымъ, что живутъ онѣ на островѣ Буянѣ, на морѣ океанѣ. Многія языческія вѣрованія и до сихъ поръ остались въ народѣ,—онъ вѣритъ и въ домовыхъ и въ лѣшихъ; но съ принятіемъ христіанства, это все стало почитаться нечистою силою, злыми духами. И теперь, при переходѣ въ новую избу, переносятъ въ горшкѣ тлѣющіеся угли, высыпаютъ ихъ въ новую печь и приговариваютъ: „пожалуй, батюшка, домовой"...

Боговъ своихъ Славяне представляли такими же людьми, поэтому и въ жертву богамъ приносили кушанья—*покормъ*. Но главнымъ богамъ приносились и человѣческія жертвы; такъ, послѣ удачной войны, приносили въ жертву военно-плѣнныхъ, или по жребію—дѣтей; такой случай былъ при князѣ Владимірѣ.

Въ честь своихъ боговъ Славяне устраивали праздники, которые соотвѣтствовали по преимуществу временамъ года. Такъ, нашимъ святкамъ соотвѣтствовала—*коляда* (и теперь еще малороссы *колядуютъ*).

Вотъ остатки древней пѣсни въ честь Коляды (названіе солнца):

За рѣкой, за быстрою,
  Ой Колядка, ой Колядка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ высокіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Колядушкѣ.
  Ой Колядка, ой Колядка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.

Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...

Во время этого праздника солнца приносили въ жертву козла. Другой праздникъ солнцу былъ при наступленіи весны,—что соотвѣтствуетъ нашей масляницѣ. Затѣмъ идетъ *„Красная горка“* и въ разгаръ лѣта праздникъ *Купалы*, гдѣ на игрищахъ прыгали черезъ огонь для очищенія. Почти всѣ эти праздники и до сихъ поръ остались въ народѣ съ языческимъ обычаемъ рядиться, прыгать черезъ огонь, искать цвѣтъ папорника и проч.

Начиная какое-нибудь важное дѣло, напр. войну, славянинъ желалъ знать, чѣмъ дѣло кончится, какъ относятся къ нему боги; отсюда возникли *гаданія*. Служители боговъ—*жрецы* по разнымъ примѣтамъ предсказывали будущее: наприм. проводили священнаго коня между копьями, разложенными на землѣ въ извѣстномъ порядкѣ, и если конь задѣвалъ копье, то это значило, что боги не сочувствуютъ задуманному предпріятію; или если дымъ при сожженіи мертвыхъ разстилался по землѣ, то и это означало несочувствіе боговъ; если же дымъ поднимался вверхъ, это предвѣщало, что предпріятіе увѣнчается успѣхомъ. Карканье вороны, кукованье кукушки—имѣло вѣщее значеніе; и теперь еще суевѣрные люди спрашиваютъ кукушку„—сколько лѣтъ осталось жить?“ Гаданьемъ занимались не только жрецы и кудесники, но и женщины—*вѣдьмы* (отъ слова вѣдать). Тѣ и другія жили уединенно въ лѣсахъ, окружали себя таинственностью, что и внушало суевѣрнымъ людямъ страхъ и уваженіе къ нимъ.

Грубая языческая вѣра способствовала и грубости нравовъ. Такъ, во время войны Славяне были жестоки и страшно опустошали побѣжденную страну; особенно сильно страдала отъ нихъ *Византія* (Греція), расположенная на Балканскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, съ плѣнными у себя дома славянинъ обходился хорошо, вмѣстѣ съ ними занимался работами и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вѣрной службы даже отпускалъ плѣнныхъ на свободу.

Но самою пагубною чертою характера славянина была кровавая месть; она была возведена въ религіозный обрядъ. Такъ, за убитаго должны были мстить не только ближайшіе родственники, но и самые отдаленные родичи: душа покойнаго, по поня-

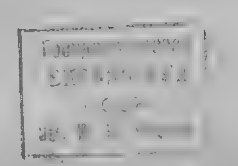
тіямъ Славянъ, успокоивалась только тогда, когда отомстили за нее достойнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого славянскія племена часто враждовали между собой, а отъ этого были слабы и почти постоянно находились въ зависимости отъ сосѣднихъ народовъ и платили имъ дань. Но со второй половины девятаго вѣка славянскія племена начали соединяться другъ съ другомъ и вскорѣ образовали сильное государство.

Христіане на Руси до Владиміра.

Такъ жили наши предки болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Однако, живя по сосѣдству съ христіанскими народами, они не могли не знать о вѣрѣ христіанской.

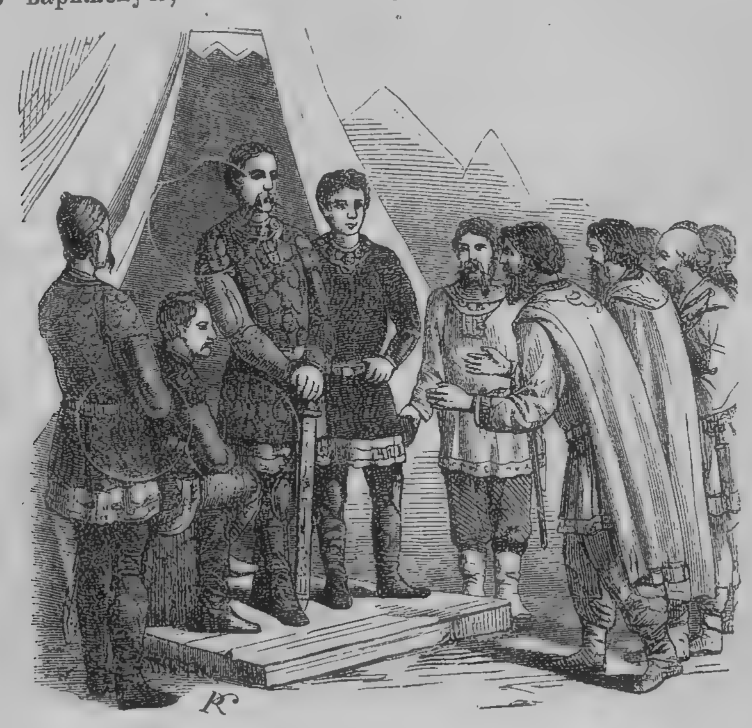
Нашъ лѣтописецъ *Несторъ* передаетъ преданіе о томъ, что христіанство проникло къ Славянамъ еще во времена апостольскія. Апостолъ *Андрей Первозванный* проповѣдывалъ Евангеліе на берегахъ Чернаго моря и въ Херсонесѣ Таврическомъ. Отсюда онъ направился на полночь, по р. Днѣпру, дошелъ до горъ Кіевскихъ; здѣсь онъ обратился къ своимъ ученикамъ: „Видите ли эти горы? Смотрите, ибо на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія; здѣсь будетъ построенъ великій городъ, и Богъ воздвигнетъ на горахъ многія церкви“. Потомъ Апостолъ взошелъ на горы и водрузилъ крестъ. Какъ извѣстно, предсказаніе св. Апостола сбылось. Затѣмъ Андрей Первозванный посѣтилъ и поселенія сѣверныхъ Славянъ,—былъ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Новгородъ, и даже плавалъ по морю Варяжскому.

Къ югу отъ славянскихъ земель, въ нынѣшнемъ Крыму, на Таврическомъ полуостровѣ были Римскія поселенія. Сюда, между прочимъ, ссылали изъ Рима преступниковъ,—здѣсь они работали въ каменноломняхъ. Во время гоненія на христіанъ ихъ не мало было сослано въ Тавриду. Сосланный сюда же *Епископъ Климентъ* засталъ здѣсь уже до 2 тысячъ христіанъ. Православная церковь чтитъ память семи херсонскихъ Епископовъ; сюда же были сосланы св. Исповѣдникъ Максимъ съ учениками, св. Папа Мартинъ. Всѣ эти святые подвижники продолжали и здѣсь проповѣдовать Евангеліе; отсюда ученіе христіанское шло въ страну Славянъ, которые вели торговлю съ Тавридой.

Сношенія Славянъ съ Греками съ теченіемъ времени становились все тѣснѣе; особенно со времени упадка Византіи, когда греки стали принимать славянъ въ ряды своихъ войскъ и нанимали ихъ для сельскихъ работъ. Со временъ же первыхъ русскихъ князей отношенія славянъ къ грекамъ стали еще ближе: съ этого времени начинается рядъ походовъ въ Грецію.

Мы уже замѣтили выше, что Славяне раздѣлялись на племена, которыя постоянно враждовали между собой; сосѣди Славянъ пользовались этими раздорами, нападали на нихъ, побѣждали и брали съ нихъ дань. Южныя племена были подвластны *Казарамъ*, а сѣверные *Варягамъ*. Но въ 10 вѣкѣ Ильменскіе Славяне *Кривичи*, и финскія племена—*Весь и Чудь* соединились и выгнали Варяговъ изъ своей земли. Да вышло не на радость. Скоро возникли непорядки: одинъ родъ сталъ враждовать съ другимъ; поднялась усобица. Стали Славяне и Финны думать о томъ, какъ бы установить порядокъ въ землѣ, собрались на вѣче и постановили выбрать князя изъ другой земли, а то свой будетъ мирволить родичамъ и опять пойдетъ раздоръ. Отправили Славяне пословъ въ землю варяжскую, къ племени Русь.

Послы сказали Варягамъ: „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и владѣть нами“. На ихъ зовъ пришли три брата съ дружинами: *Рюрикъ* сѣлъ при устьѣ р. Волхова и срубилъ городъ *Ладогу*; *Синеусъ* сѣлъ на Бѣломъ морѣ, а *Труворъ* въ Изборскѣ. Отъ князей, вышедшихъ изъ племени Русь, и земля стала прозываться Русскою. Скоро два послѣдніе брата умерли, остался одинъ Рюрикъ. Чтобы тверже встать въ землѣ Славянъ, онъ сталъ раздавать города въ управленіе своимъ дружинникамъ. Такъ образовалось государство Русское.

Двое изъ дружинниковъ Рюрика, *Аскольдъ и Диръ*, отдѣлились отъ него и пошли въ Грецію по великому водному пути. На пути они встрѣтили городъ Кіевъ и остановились въ немъ; помогли кіевлянамъ избавиться отъ дани Казарамъ и стали княжить въ Кіевѣ. Но не сидѣлось воинственнымъ Варягамъ на мѣстѣ. Скоро они предприняли походъ на Византію. Огромное войско изъ Славянъ и Варяговъ отправилось въ ладьяхъ внизъ по Днѣпру и Черному морю въ Константинополь. Императора не было въ то время въ столицѣ, — онъ воевалъ въ Малой Азіи. Патріархъ *Фотій* описываетъ, что Славяне произвели ужасныя опустошенія въ окрестностяхъ Константинополя: убивали беззащитныхъ жителей, грабили имущество, а чего нельзя было взять, то жгли. Ужасъ обуялъ жителей; Патріархъ съ народомъ цѣлую ночь молился *во Влахернскомъ* храмѣ, а на утро съ крестнымъ ходомъ отправился къ морю, отслужилъ молебенъ, погрузилъ ризу Богоматери въ море, и вдругъ поднялась тогда страшная буря, и разметала ладьи непріятельскія, - такъ что Аскольдъ и Диръ съ малою дружиною едва спаслись. Чудо это такъ подѣйствовало на князей, что вскорѣ они приняли христіанство. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ тотъ же Патріархъ Фотій: „такъ народъ, глаголемый Россъ, перемѣнилъ нынѣ языческое и безбожное ученіе, которое содержалъ, на чистую и правую христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами. И сколько воспламенила ихъ любовь и ревность къ вѣрѣ, что и Епископа, и пастыря, и христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ пріяли“.

Недолго княжили Аскольдъ и Диръ въ землѣ Полянъ. Послѣ Рюрика (879 г.) сталъ править Русью родственникъ его Олегъ, а сынъ его Игорь былъ еще малъ. Олегъ былъ человѣкъ воинствен-

ный; онъ старался увеличить свои владѣнія и началъ присоединять сосѣднія славянскія и финскія племена. Пошелъ Олегъ по Днѣпру и узналъ, что въ Кіевѣ княжатъ его соотечественники; справиться съ ними было не легко, — они были тоже храбры и мужественны; Олегъ и пустился на хитрость. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру, что идутъ варяжскіе купцы въ Грецію и желаютъ повидаться съ ними. Князья повѣрили и вышли на берегъ. Дружина Олега окружила Аскольда и Дира, а Олегъ сказалъ: „Вы не князья и не княжескаго рода, а вотъ князь“, и поднялъ на руки Игоря, и приказалъ убить Аскольда и Дира; Кіевомъ же завладѣлъ самъ и поселился въ немъ. Олегу такъ понравилось жить въ Кіевѣ, что онъ назвалъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ.

Послѣ Олега княжилъ въ Кіевѣ Игорь. Во времена Игоря христіанъ въ Кіевѣ было немало, и была уже построена церковь св. Иліи и называлась соборною.—Усиленію христіанства на Руси, конечно, много способствовали походы русскихъ князей Олега и Игоря въ Грецію.

Но еще больше распространилось христіанство въ то время, когда Русью правила, за малолѣтствомъ сына Святослава, Княгиня Ольга.

Св. Ольга.

Великая Княгиня Ольга происходила изъ простого рода. Родители ея жили близъ города Пскова. Однажды Князь Игорь охотился въ тѣхъ мѣстахъ; увидѣвъ Ольгу, Князь плѣнился ея красотою и взялъ ее себѣ въ жены.

Князь Игорь былъ убитъ Древлянами, возмутившимися противъ него за увеличеніе дани. Положеніе Княгини Ольги съ малолѣтнимъ сыномъ было опасное: примѣру Древлянъ могли послѣдовать и другія племена. Но Княгиня показала себя мудрой правительницей съ сильнымъ характеромъ; она скоро усмирила бунтующихъ Древлянъ и жестоко отомстила имъ за смерть мужа.

Древляне, убивши Игоря, собрались на вѣче и порѣшили своего князя Мала женить на вдовѣ—Княгинѣ Ольгѣ, и послали 20 именитыхъ мужей объявить объ этомъ Княгинѣ. Приплыли послы къ Кіеву и явились къ Ольгѣ. „Зачѣмъ пришли сюда?“ спросила

Княгиня.—„Послала насъ Древлянская земля и велѣла сказать: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ; а у насъ князья добрые,—пасутъ землю Древлянскую. Пойди замужъ за нашего князя Мала, а со Святославомъ сдѣлаемъ, что хотимъ".—„Люба мнѣ рѣчь ваша, сказала Ольга: мужа мнѣ не воскресить. Хочу почтить васъ передъ всѣми людьми: ступайте въ ладьи, разлягтесь величаясь, а какъ пришлю за вами, то велите нести васъ въ ладьяхъ". На другой день кіевляне пришли звать древлянъ.—„Ни пѣшкомъ не пойдемъ, ни на коняхъ, ни на возахъ не поѣдемъ, несите насъ въ лодкахъ."—„Намъ теперь неволя,—отвѣтили кіевляне, Князь нашъ убитъ, а Княгиня наша выходитъ за вашего Князя замужъ". И понесли Древлянъ въ лодкахъ; а они сидѣли нарядные и величались. Принесли пословъ на теремный дворъ и вмѣстѣ съ лодками бросили въ глубокія ямы. Подошла Княгиня и спросила: „Хороша ли вамъ честь?"— „Смерть намъ пуще Игоревой!" И засыпали ихъ живыми.

После этого Ольга послала сказать Древлянамъ: „Если вправду хотите, чтобы я шла за вашего Князя, то пришлите самыхъ лучшихъ мужей, чтобы я пошла съ великою честію, а то кіевляне не пустятъ меня".—Древляне послали самыхъ знатныхъ мужей, которые держали землю Древлянскую. Когда послы прибыли въ Кіевъ, то ихъ по обычаю повели съ дороги въ баню, да тамъ и сожгли всѣхъ. Тогда Ольга послала сказать Древлянамъ: „Иду къ вамъ, наварите больше меду, я поплачу на могилѣ мужа и справлю тризну". Такъ Древляне и сдѣлали. Ольга пришла налегкѣ съ малою дружиною.—„А гдѣ послы наши", спросили древляне.—„Тамъ идутъ съ дружиною моего мужа," отвѣтила Княгиня. Поплакала Ольга надъ могилой мужа и велѣла дружинѣ насыпать большой холмъ. Начали справлять тризну. Древляне на радости упились, а кіевляне ничего не пили, а служили имъ и угощали. Потомъ, по приказу Княгини, кіевляне начали избивать охмелѣвшихъ древлянъ и перебили до 5 тысячъ человѣкъ.

Не удовольствовалась этой местью разгнѣванная Княгиня; на другой годъ пошла Ольга войной противъ Древлянъ, разбила ихъ на голову и окружила городъ Коростенъ; но простояла все лѣто, а взять города не могла.—„Чего вы сидите? Всѣ города отдались мнѣ, обѣщали платить дань и теперь мирно пашутъ землю. Неужели хотите лучше сгибнуть отъ голода, чѣмъ заплатить дань?"

Древляне отвѣтили: „рады бы платить дань, да боимся, станешь мстить за мужа.“—„Я ужъ мстила три раза; больше не хочу,—дайте дань.“—„Чего хочешь? спрашивали осажденные:—мы готовы дать дань медомъ и звѣриными шкурами.“—„Нѣтъ у васъ ни меду, ни звѣриныхъ шкуръ, сказала Ольга: прошу у васъ немного: дайте по три голубя и по три воробья отъ каждаго двора; знаю, что вы изнемогли въ осадѣ“.—Обрадовались древляне и исполнили требованіе Княгини.—„Покормили вы меня и сына, ступайте въ города, а я завтра пойду въ Кіевъ“, сказала она посламъ. А ночью велѣла привязать горючія вещества въ тряпкахъ къ хвостамъ птицъ, зажечь тряпки и пустить птицъ на волю. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда и зажгли городъ. Испуганные жители бросились изъ города и многіе были побиты кіевлянами, другіе взяты въ плѣнъ, а остальные были обложены тяжелой данью.—Послѣ этого Княгиня обошла всю Древлянскую землю и установила дани и оброки. Это было очень важно, а то народъ не зналъ, сколько обязанъ онъ платить Князю, сборщики же брали, что хотѣли, а это вело къ смутѣ и непорядку.—Черезъ годъ Великая Княгиня объѣхала всѣ земли и вездѣ опредѣлила дани и оброки, сама творила судъ и расправу. Долго помнилъ народъ о своей мудрой Княгинѣ и указывалъ разныя урочища, гдѣ останавливалась она, а въ Псковѣ (на ея родинѣ) долго хранились сани, въ которыхъ Княгиня Ольга ѣздила.—Такъ, въ мирномъ устроеніи земли Русской, провела Ольга большую часть времени управленія страной.

Крещеніе Ольги.

Мудрая Княгиня не могла не замѣтить добродѣтельнаго житія христіанъ кіевскихъ и скоро, сблизившись съ ними, постигла всю разницу идольскаго и христіанскаго служенія и отдала предпочтеніе послѣднему.

Задумала Ольга перемѣнить вѣру; но прежде хотѣла поближе познакомиться съ нею въ Царьградѣ. Снарядила Ольга посольство, и сама приняла въ немъ участіе. Когда русскія ладьи пришли въ Царьградскую пристань, то греки нескоро впустили Княгиню въ въ городъ,—въ городѣ шли приготовленія къ пріему. Наскучило

Княгинѣ ждать. Наконецъ Княгиня была принята Императоромъ. Онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, въ одеждѣ, изукрашенной драгоцѣнными камнями; около него стояли царедворцы въ богатѣйшихъ нарядахъ; потомъ Княгиню повели въ покои Императрицы. Среди огромной палаты было возвышеніе, покрытое пурпурной тканью, а на немъ два золотыхъ трона: на одномъ сидѣла Императрица, а на другомъ ея невѣстка. Послѣ того Княгиню повели въ назначенные ей покои.—На другой день Ольга осматривала храмы Божіи и присутствовала на службахъ церковныхъ, совершаемыхъ съ неописаннымъ великолѣпіемъ.

Уразумѣвъ существо ученія христіанскаго отъ греческихъ толковниковъ, Ольга рѣшила креститься. Самъ Патріархъ совершилъ таинство крещенія, а Императоръ, по преданію, былъ воспріемникомъ (975 г.). Въ крещеніи Княгиня была наречена Еленою, въ память царицы Елены, матери Константина Великаго, перваго изъ царей, принявшихъ христіанство. Примѣру Ольги послѣдовали многіе, сопровождавшіе ее русскіе. Когда обрядъ крещенія былъ конченъ, Патріархъ наставлялъ Княгиню Елену въ истинахъ вѣры, въ церковномъ уставѣ, говорилъ о постѣ, молитвѣ и милостынѣ; а въ заключеніе сказалъ: „Благословенна ты въ женахъ русскихъ, потому что свѣтъ полюбила, а тьму оставила. Благословятъ тебя люди русскіе до послѣдняго рода!“—„Да сохранятъ меня молитвы твои, владыко, отъ сѣтей дьявола“, отвѣтила смиренно Княгиня. Патріархъ благословилъ въ обратный путь Княгиню животворящимъ крестомъ.

Вслѣдъ за Княгинею пришли въ Кіевъ отъ греческаго Императора послы съ такимъ наказомъ: „я тебя много дарилъ, а ты обѣщала отдарить меня рабами, воскомъ, мѣхами и прислать рать на помощь.“ Княгиня отвѣтила: „Пусть онъ простоитъ у меня въ Почайнѣ (ручей въ Кіевѣ) столько, сколько я стояла въ Золотомъ Рогѣ (пристань въ заливѣ), тогда получитъ дары.“ Такъ послы и уѣхали ни съ чѣмъ.

Возвратившись въ Кіевъ истинною христіанкою, Ольга стремилась къ распространенію христіанства между своими подданными; особенно она старалась склонить къ принятію новой вѣры сына своего Святослава.—„Какъ я, сынъ мой, Бога познала и радуюсь, такъ и ты, познавши Бога, будешь радоваться.“—„Какъ я одинъ перемѣню законъ? дружина моя будетъ смѣяться надо

мной“, говорилъ Князь. —„Если ты крестишься, то и всѣ то же сдѣлаютъ“, увѣщевала мать. Но напрасны были всѣ увѣщанія,— Святославъ остался непреклоненъ; онъ любилъ войну, а христіанская вѣра учитъ миру и братской любви. Огорчало это Княгиню. „Да будетъ воля Божія! Если Господу Богу угодно будетъ помиловать родъ мой и народъ русскій, то возложитъ на сердце обратиться, какъ даровалъ и мнѣ“, говорила Княгиня.

Некогда было Князю заниматься своими дѣтьми, они были на рукахъ у бабушки, и очень можетъ быть, что кн. Владиміръ еще въ дѣтствѣ получилъ первыя понятія о христіанской вѣрѣ.

Послѣ своего крещенія Ольга жила 12 лѣтъ. На послѣднемъ году ея жизни на Кіевъ напали Печенѣги, а Князя въ это время не было,—онъ воевалъ Болгарскую землю на Дунаѣ. Только случай спасъ Кіевъ и Княгиню со внучатами отъ раззоренія и плѣна:—возвратился неожиданно Святославъ и прогналъ Печенѣговъ. Но скучно Святославу стало въ Кіевѣ,—его тянуло опять на югъ— въ Болгарію. Княгиня его остановила: „Я больна и стара; куда же хочешь уйти отъ меня. Похорони меня, а тамъ иди, куда хочешь“. Князь остался, но недолго пришлось ему ждать,— Княгиня скоро умерла. Горько плакала о ней семья и народъ, и долго о ней вспоминали на Руси и указывали въ разныхъ мѣстахъ кресты, воздвигнутые ею въ память успѣшнаго распространенія христіанства. Церковь чтитъ ее святою, а народъ прозвалъ—мудрою.

О Святославѣ.

По смерти Ольги распространеніе христіанства пріостановилось, потому что Князь не сочувствовалъ новой вѣрѣ. Святославъ и при жизни матери позволялъ себѣ смѣяться надъ христіанами, а послѣ ея смерти даже преслѣдовалъ ихъ. Онъ даже убилъ своего двоюроднаго брата Глѣба, христіанина. Партія языческая взяла верхъ, а христіане были принижены.

Послѣ смерти матери, Святослава ничто не удерживало въ Кіевѣ,—онъ собрался въ свой любимый Переяславецъ на Дунаѣ; но прежде призвалъ онъ своихъ сыновей и раздѣлилъ между ними землю Русскую (значитъ, князья смотрѣли на землю Русскую, какъ на свою вотчину). Старшій сынъ Ярополкъ получилъ землю Полянъ

съ городомъ Кіевомъ, а Олегъ — землю Древлянскую. Пришли и новгородцы просить себѣ князя: „Только бы кто-нибудь пошелъ къ вамъ“, сказалъ Святославъ. Старшіе братья отказались; Добрыня, посадникъ Новгородскій, научилъ: „просите Владиміра“; а Владиміръ былъ сынъ ключницы Ольгиной—Малуши, сестры Добрыни.—„Отдай намъ Владиміра!“—„Возьмите!“ И Владиміръ пошелъ въ Новгородъ, а Святославъ—въ Переяславецъ; но здѣсь его встрѣтили враждебно: Болгары заперлись въ своихъ городахъ, да и Греки вооружились противъ Святослава. Съ Болгарами Князь скоро управился, а Грекамъ велѣлъ сказать: „Иду на васъ“. Греки собрали 100 т. войска, а у Святослава всего было 10 т., съ которыми онъ ворвался въ Грецію и опустошилъ нѣсколько городовъ; но Греки окружили его со всѣхъ сторонъ. „Намъ ужъ некуда дѣваться„ волей или неволей должны сражаться, не посрамимъ земли Русской, ляжемъ костьми: мертвые не знаютъ срама, а если побѣжимъ, то будетъ намъ срамъ. Не побѣжимъ, а станемъ крѣпко; если моя голова ляжетъ, то думайте сами о себѣ!“ сказалъ Святославъ своей дружинѣ. „Гдѣ ты сложишь голову, тамъ и мы головы положимъ!“ отвѣчала дружина, и разбила Грековъ. Но оставаться Святославу въ Болгаріи было нельзя, потому что у него осталась малая дружина, и онъ долженъ былъ заключить съ Греками миръ и пошелъ въ Кіевъ. На пути у пороговъ Днѣпровскихъ его подкараулили Печенѣги, и Князь палъ въ неравной борьбѣ.

Какъ Владиміръ достигъ единодержавія.

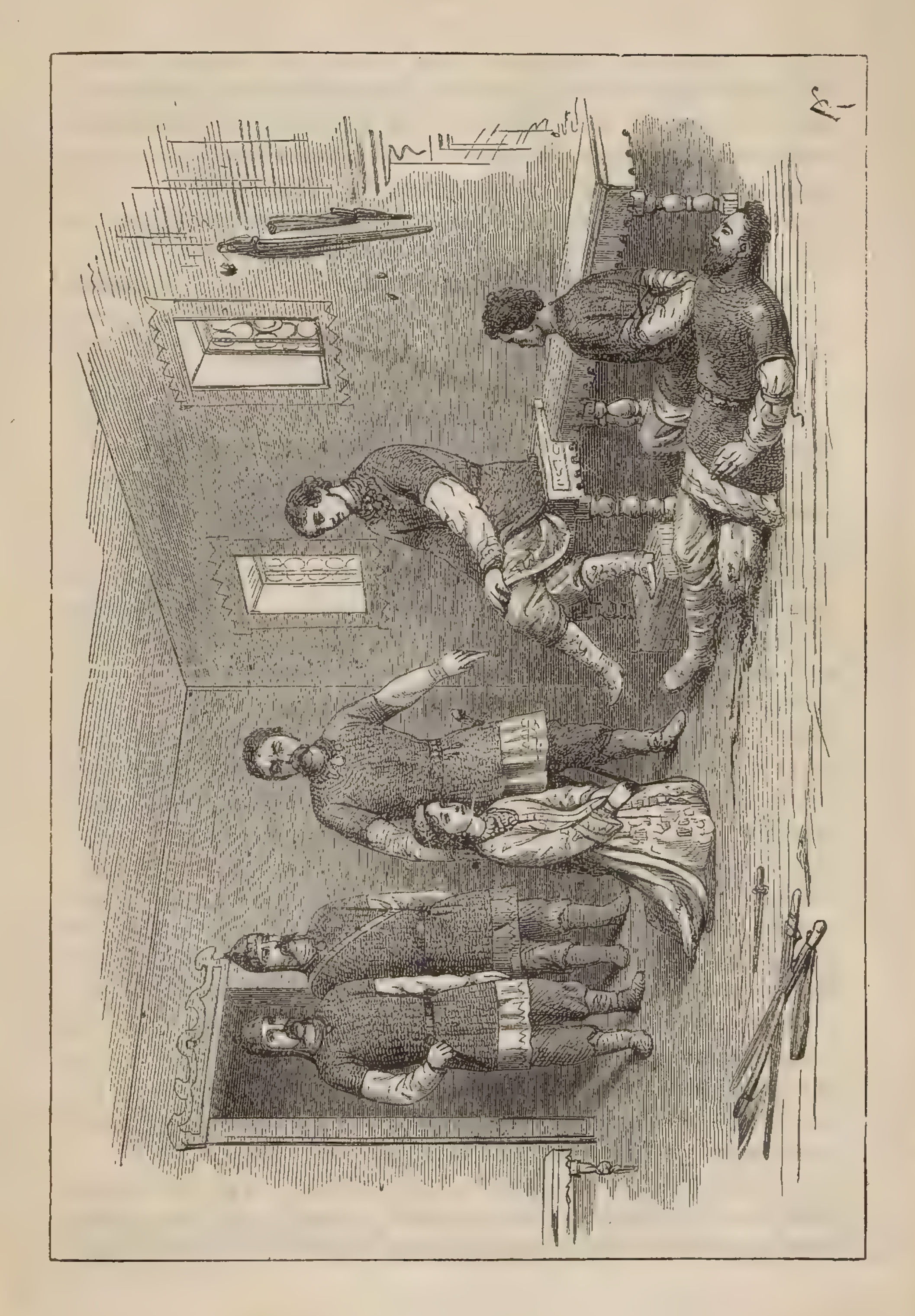
Послѣ смерти Святослава скоро начались усобицы между братьями, въ которыхъ и погибли два старшіе брата: Олегъ погибъ въ войнѣ съ Ярополкомъ; а Владиміръ, по языческому обычаю, долженъ былъ отмстить за смерть брата.

Окруженный язычниками Владиміръ какъ бы забылъ наставленія въ правилахъ вѣры христіанской, слышанныя имъ въ дѣтствѣ отъ его мудрой бабки, и не мудрено: онъ остался послѣ нея восьми лѣтъ и попалъ подъ опеку дяди своего Добрыни, лютаго язычника; жилъ на сѣверѣ, куда христіанство еще не проникло, и нравы жителей были очень суровы. Подъ такимъ-то вліяніемъ складывался характеръ Владиміра,—онъ былъ человѣкъ суроваго нрава, мужественный воинъ и ревностный язычникъ.

Когда сестра Владиміра Преслава увѣдомила его о смерти брата Олега, Владиміръ подумалъ: Ярополкъ убилъ Олега, захватилъ его вотчину, Древлянскую землю,—а теперь погубитъ и меня". Съ малою дружиною бѣжалъ Владиміръ къ Варягамъ и три года собиралъ тамъ войско. Ярополкъ же присоединилъ къ себѣ и Новгородскія вотчины и сдѣлался такимъ образомъ единодержавнымъ Княземъ всея Руси. Ярополкъ былъ женатъ на христіанкѣ и во многомъ отдавалъ преимущество христіанамъ передъ язычниками, за что послѣдніе противодѣйствовали Князю и встали на сторону его враговъ.

Черезъ три года Владиміръ возвратился съ сильною дружиною и опять занялъ Новгородъ. Замышляя месть на брата, Владиміръ задумалъ жениться на невѣстѣ Ярополка, дочери Полоцкаго князя Рогвольда. Послалъ онъ сватовъ. Рогвольдъ спросилъ дочь: „хочешь ли идти за Владиміра?" „Не хочу разуть сына рабыни" (въ то время былъ обычай, что молодая въ первый день свадьбы разувала мужа), отвѣчала Рогнѣда, „иду за Ярополка!" Владиміръ обидѣлся такимъ отказомъ, убилъ Рогвольда и двухъ его сыновей, а Рогнѣду взялъ въ жены силою.

Покончивъ съ Рогвольдомъ, Владиміръ послалъ сказать брату Ярополку: „Идите къ брату и скажите: Владиміръ идетъ на тебя, готовься съ нимъ биться!" А воеводѣ Блуду, любимцу Ярополка, велѣлъ сказать: „Окажи мнѣ услугу; когда убью брата, буду почитать тебя, какъ отца, и много чести воздамъ тебѣ. Не я началъ убиватъ братьевъ, а онъ; я только потому пошелъ противъ него, что боялся за себя".—„Я буду служить Владиміру", отвѣтилъ Блудъ и началъ измышлять, какъ бы предать Ярополка. Началъ онъ говорить Князю, что опасно оставаться въ Кіевѣ, кіевляне перебѣгаютъ къ Владиміру. Ярополкъ послушался совѣта, ушелъ въ маленькій городокъ Роднію и заперся тамъ; а Владиміръ занялъ Кіевъ и осадилъ брата въ Роднѣ. Блудъ опять сталъ наговаривать: „видишь, сколько войска у Владиміра? намъ съ нимъ не совладѣть; помирись лучше съ нимъ; приди къ брату и скажи: что дашь, всѣмъ буду доволенъ". „Пусть такъ будетъ", отвѣтилъ Ярополкъ. Но вѣрный слуга князя Варяжко говорилъ: „не ходи, убьютъ тебя; лучше поди къ Печенѣгамъ и приходи съ ними на Владиміра". Не послушалъ Ярополкъ совѣта Варяжка и пошелъ къ брату мириться. А Блудъ послалъ сказать Влади-

міру: „Сбылось мое обѣщаніе, что приведу къ тебѣ Ярополка; приготовься убить его". Владиміръ убилъ брата въ отцовскомъ каменномъ теремѣ съ дружиною. Когда Ярополкъ отворилъ дверь, то два варяга ударили его мечами подъ мышки, а Блудъ караулилъ, чтобы не увидалъ кто-либо изъ людей Ярополка.

Убилъ Владиміръ брата и взялъ его вдову себѣ въ жены; отъ нея родился сынъ Святополкъ, прозванный Окаяннымъ.

Такъ Владиміръ достигъ единодержавія на Руси.

Месть Рогнѣды. Христіане-мученики.

Владиміру было только восемнадцать лѣтъ, когда онъ сдѣлался единодержавнымъ Княземъ. При немъ опять восторжествовала языческая партія; Князь былъ ревностный почитатель Перуна, какъ покровителя войны. Онъ воздвигъ возлѣ своего дворца идола Перуна, „древяна, а главу сребряну, а усъ златъ",—говоритъ лѣтописецъ. Добрыня, намѣстникъ Новгородскій, такого же идола поставилъ въ Новгородѣ надъ Волховомъ,—„и жряху (приносили жертвы) ему люди новгородскіе, аки богу". — Языческіе обычаи сильно раздражали страсти молодого Князя; побѣды надъ сосѣдями обогащали его, и не было конца княжескимъ пирамъ; самъ Князь велъ разгульную жизнь, имѣлъ пять женъ и нѣсколько сотъ наложницъ. Счастья въ такой семьѣ быть не могло; одна изъ женъ, именно Рогнѣда, задумала даже убить его. Разъ Князь заѣхалъ къ Рогнѣдѣ съ охоты,—она жила въ теремѣ въ Преславинѣ (около Кіева); Князь заночевалъ у Рогнѣды. Ночью Рогнѣда занесла уже ножъ надъ мужемъ, но онъ проснулся. „Я закручинилась,—объясняла Рогнѣда:—ты убилъ отца моего и братьевъ и землю ихъ полонилъ изъ-за меня, а теперь меня не любишь!" Князь хотѣлъ казнить ее собственноручно; но Рогнѣда спрятала въ опочивальнѣ своего сына, и когда пришелъ Князь, то маленькій Изяславъ вышелъ и сказалъ: „отецъ, ты не одинъ здѣсь!"—„А кто зналъ, что ты здѣсь!" отвѣчалъ Князь, и бросилъ мечъ. Бояре посовѣтовали помиловать Рогнѣду и отдать ей съ сыномъ Изяславомъ Полоцкую землю. Такъ Князь и сдѣлалъ.

Владиміръ, какъ и всѣ первые князья, мало заботился о строеніи земли Русской, а больше всего стремился къ обогащенію себя и дружины и увеличенію своихъ вотчинъ. Много сдѣлалъ

Князь счастливыхъ походовъ,—гдѣ усмирялъ бунтующихъ, а гдѣ и вновь завоевывалъ земли и налагалъ дани.

Послѣ удачнаго похода противъ Ятвяговъ (жившихъ въ нынѣшней Гродненской губерніи), Владиміръ, возвратившись въ Кіевъ, задалъ пиръ своей дружинѣ и кіевлянамъ. Захмелѣли дружинники и говорятъ: „Горе головамъ нашимъ, ѣдимъ мы деревянными ложками, а не серебряными!“ Услышалъ Князь и говоритъ:—„серебромъ и золотомъ не найду я храброй дружины, а съ удалой дружиной найду серебро и золото,“ и велѣлъ исковать серебряныя ложки.—Добръ и ласковъ былъ Князь къ своей дружинѣ,—и силенъ онъ былъ дружиною.

За удачный походъ Князь задумалъ однажды отблагодарить Перуна принесеніемъ ему человѣческой жертвы.— „Бросимъ жребій на юношей и дѣвицъ, — предложили бояре, — на кого падетъ онъ, того и зарѣжемъ въ жертву богамъ“. Жребій палъ на сына варяга—христіанина. Пришли къ варягу посланные отъ бояръ и сказали: „на твоего сына палъ жребій, онъ угоденъ богамъ; сотворимъ ихъ волю“.—„Ваши боги—дерево,—отвѣчалъ христіанинъ,—сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ; они не ѣдятъ, не пьютъ; они сдѣланы руками людей. Есть единый истинный Богъ, котораго почитаютъ Греки; Онъ сотворилъ землю и звѣзды, луну и солнце; Онъ сотворилъ и человѣка. Ваши же боги что сотворили? Они сами дѣланные. Не дамъ сына своего бѣсамъ!“

Собралась толпа народа; всѣ слышали, какъ христіанинъ хулилъ боговъ. Народъ разсвирѣпѣлъ и настойчиво требовалъ выдачи юноши: „отдай сына въ жертву богамъ!...“—„Если они боги, то пусть пошлютъ одного изъ среды своей; пусть онъ возьметъ у меня сына моего; а вы чего требуете?“ — Разъяренная толпа народа бросилась на домъ христіанина, подрубила сѣни, и погибли подъ развалинами дома христіане-мученики—*Ѳеодоръ* и *Іоаннъ*.

Испытаніе вѣры.

На язычниковъ произвела глубокое впечатлѣніе мученическая смерть христіанъ; многихъ заставило это событіе задуматься впервые о справедливости ученія христіанъ и ничтожествѣ идолослуженія. Особенно пораженъ былъ Князь:—онъ долго былъ задумчивъ и мраченъ; припомнилъ, вѣроятно, въ то время многое, чему учила его мудрая бабка Ольга. — Узнали Кіевляне, что самъ Князь поколебался въ вѣрѣ; провѣдали о томъ и сосѣди и стали наперерывъ пытаться обратить Владиміра въ свою вѣру.

Вотъ какъ разсказываетъ лѣтописецъ объ испытаніи различныхъ вѣръ. Въ 986 году пришли въ Кіевъ отъ Камскихъ Болгаръ, магометанъ, послы и сказали Князю: „Ты Князь мудрый, а истинной вѣры не знаешь. Прими нашу вѣру и поклонись Магомету“.— „Какая-же ваша вѣра?“ спросилъ Владиміръ. — „Вѣруемъ мы въ единаго бога, отвѣчали Болгары, а Магометъ заповѣдуетъ намъ свинины не ѣсть, вина не пить.“ Затѣмъ разсказали о раѣ, гдѣ люди, исполнявшіе законъ Магомета, будутъ вѣчно наслаждаться. Разсказъ о будущей жизни плѣнилъ Владиміра; но запрещеніе ѣсть свинину и особенно пить вино очень не понравилось ему.— „Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти“, сказалъ онъ.

Затѣмъ явились къ Владиміру Нѣмцы, послы отъ Папы римскаго. Владиміръ выслушалъ ихъ и отпустилъ ни съ чѣмъ.—

„Отцы наши не принимали вашей вѣры, сказалъ Владиміръ сухо, ступайте обратно!“

Приходили и Евреи изъ земли Хозарской. — „Слышали мы, сказали они, что были у тебя послы отъ магометанъ и христіанъ и проповѣдывали каждый свою вѣру. Христіане вѣруютъ въ того Бога, котораго мы распяли; мы же вѣримъ въ Единаго Бога,— Бога Авраама, Исаака и Іакова“.—„Въ чемъ же состоитъ законъ вашъ?“ спросилъ Владиміръ.—„Свинины не ѣсть, заячины также, и соблюдать день субботній“. — „А гдѣ земля ваша?“ спросилъ Князь.—„Въ Іерусалимѣ“. — „Тамъ ли вы живете?“ — „Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ за грѣхи наши по разнымъ странамъ, а землю нашу отдалъ во власть христіанъ“, отвѣчали Евреи.—„Какъ же вы, сами разсѣянные и отверженные, учите другихъ? спросилъ Владиміръ. Если бы Богъ любилъ васъ и вѣру вашу, то не разсѣялъ бы васъ по чужимъ землямъ. Хотите ли, чтобы и съ нами было то же?“ Такимъ образомъ и Евреи не имѣли успѣха.

Прислали къ Владиміру и Греки философа, человѣка ученаго и краснорѣчиваго, который прежде всего объяснилъ Владиміру заблужденія магометанской вѣры, ошибки западныхъ христіанъ, подчиненныхъ Папѣ, и Владиміръ съ любопытствомъ слушалъ объясненія краснорѣчиваго грека.

— „Приходили ко мнѣ Евреи, сказалъ Князь, и говорили, что Нѣмцы и Греки вѣруютъ какъ въ Бога въ того, кого они распяли. Правда ли это? И чего ради Богъ сходилъ на землю и принималъ мученія?“—„Если хочешь послушать, сказалъ грекъ, я разскажу тебѣ все сначала и объясню, ради чего Богъ сошелъ съ неба на землю.“ И началъ философъ разсказывать о томъ, какъ Богъ сотворилъ весь міръ и первыхъ людей, какъ блаженствовали они въ раю, какъ нарушили заповѣдь и лишились рая, какъ люди были наказаны за грѣхи всемірнымъ потопомъ. Дальше разсказалъ проповѣдникъ всю Ветхозавѣтную исторію — о Моисеѣ, о заповѣдяхъ Божіихъ, о Царяхъ, о Пророкахъ, посланныхъ Богомъ образумить заблуждающихся и предсказать рожденіе Спасителя.— „Сбылось ли то, что предсказали Пророки, или сбудется теперь?“ спросилъ слушавшій внимательно Владиміръ.— И разсказалъ проповѣдникъ о рожденіи Христа, объ ученіи его, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо; объяснилъ, ради

чего пострадалъ Христосъ, и какую жизнь заповѣдалъ Онъ христіанамъ.—„Настанетъ день,— сказалъ грекъ въ заключеніе, — когда Богъ опять сойдетъ съ неба и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его: праведнымъ дастъ царство небесное, красоту неизреченную, радость безъ конца и жизнь вѣчную; а грѣшникамъ—мученія безконечныя. Такія же мученія будутъ и тѣмъ, кто не вѣруетъ въ Бога нашего Іисуса Христа.“ При этомъ проповѣдникъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, показалъ Владиміру картину Страшнаго суда; указалъ праведниковъ на правой сторонѣ, которые съ радостью шли въ рай, и грѣшниковъ на лѣвой, — идущихъ въ муку вѣчную. Сильно подѣйствовала на Князя и картина и разсказъ краснорѣчиваго проповѣдника.— „Добро этимъ, что на правой сторонѣ, и горе тѣмъ, что на лѣвой!“ сказалъ вздохнувши Владиміръ. — „Если хочешь стоять съ праведниками на правой сторонѣ, то крестись!“ Задумался Владиміръ.—„Подожду еще немного,“ отвѣтилъ онъ наконецъ и отпустилъ философа съ великимъ почетомъ и щедрыми дарами.

Послѣ этого созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и старѣйшинъ и сказалъ имъ: „Приходили ко мнѣ Болгары, предлагали принять ихъ вѣру; потомъ были Нѣмцы, и тѣ хвалили законъ свой; приходили и Евреи. Наконецъ пришелъ ко мнѣ посолъ отъ Грековъ,— онъ порицаетъ всѣ законы, а свой хвалитъ. Много говорилъ о началѣ міра; чудны эти разсказы,—любо слушать ихъ. Сказывалъ, что и другой свѣтъ есть; кто вступитъ въ Греческую вѣру, тотъ, говоритъ, если и умретъ, то снова воскреснетъ и не умретъ уже вовѣки; а кто другую вѣру приметъ,—горѣть тому на томъ свѣтѣ въ вѣчномъ огнѣ. Что вы мнѣ посовѣтуете? Что скажете?“—„Самъ знаешь, Князь,—сказали бояре и старцы,—всякій свое хвалитъ. У тебя есть мужи; пошли ихъ развѣдать, какъ служатъ Богу разные народы.“

Понравился такой совѣтъ Владиміру; выбралъ онъ десять знатныхъ и умныхъ мужей и послалъ ихъ къ Болгарамъ-магометанамъ, къ Нѣмцамъ и Грекамъ посмотрѣть, какъ совершается церковная служба у каждаго изъ этихъ народовъ.

Послы эти побывали у Болгаръ и Нѣмцевъ, и не понравилось имъ богослуженіе этихъ народовъ. Наконецъ прибыли послы въ Царьградъ. Узнавши, съ какой цѣлью прибыли послы, Царь принялъ ихъ съ большимъ почетомъ и послалъ сказать Патріарху,

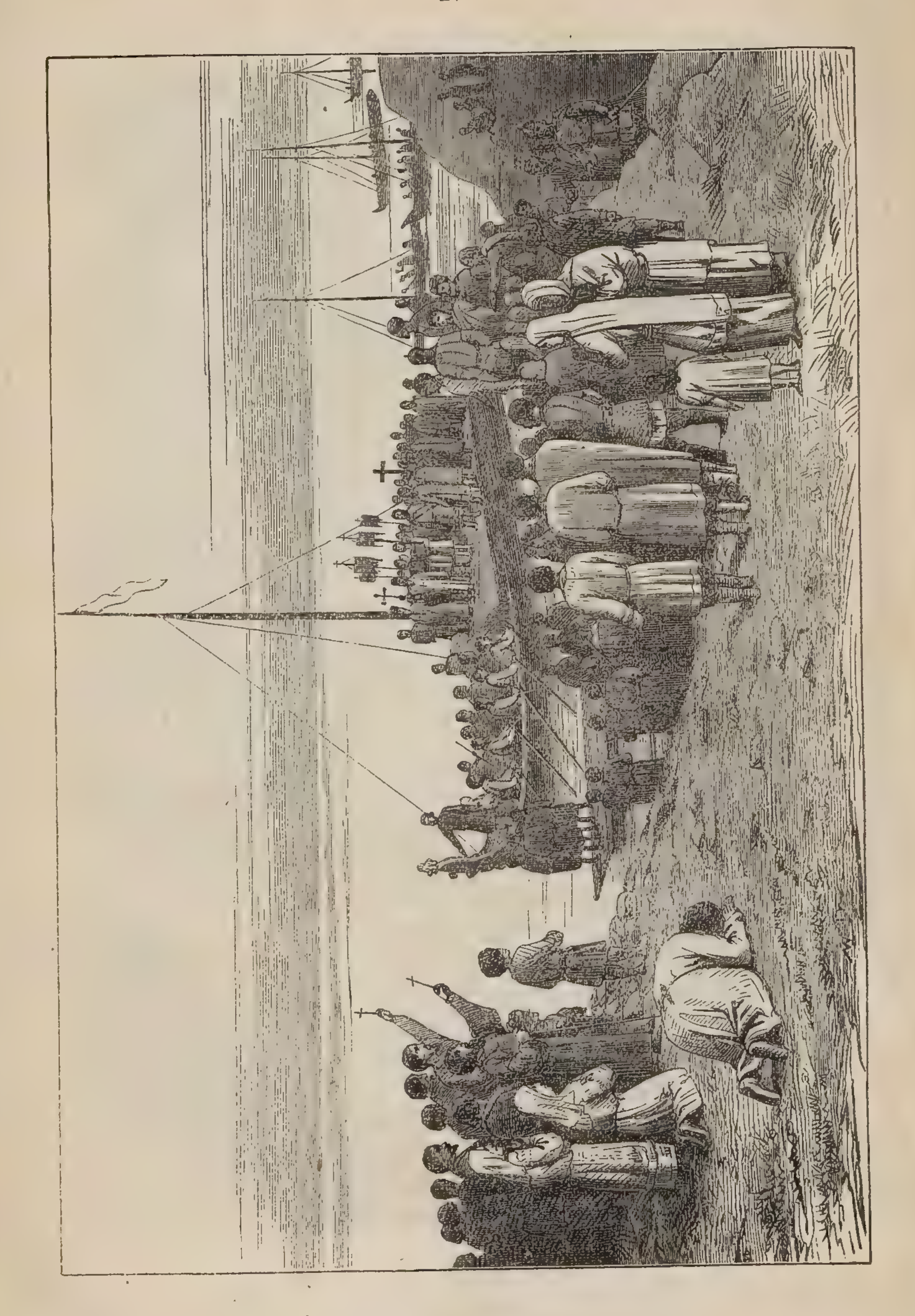
чтобы онъ совершилъ богослуженіе, какъ можно торжественнѣе: „да видятъ славу Бога нашего". Повели пословъ въ церковь. Храмъ сіялъ огнями; на иконахъ блистали золотыя ризы и драгоцѣнные камни; благовоніями курились кадильницы; раздавалось прекрасное пѣніе пѣвчихъ. Русскіе послы, никогда до сихъ поръ не видавшіе ничего подобнаго, были поражены великолѣпіемъ храма и торжественностью архіерейской службы.—На прощанье пословъ богато одарили и съ большой честью проводили. Когда послы возвратились въ Кіевъ, Владиміръ снова собралъ бояръ и старцевъ и сказалъ: „вотъ пришли посланные наши мужи; послушаемъ, что скажутъ они".—„Ходили мы, разсказывали послы, къ Болгарамъ, смотрѣли, какъ молятся они въ своихъ храмахъ (мечетяхъ): стоятъ они безъ пояса; поклонившись, сядутъ и глядятъ и туда и сюда, словно бѣшеные. Нѣтъ красоты въ служеньи ихъ; не хорошъ ихъ законъ. Ходили мы и къ Нѣмцамъ, были у нихъ въ храмахъ, красоты тоже никакой не нашли. Когда же пришли мы къ Грекамъ, и когда ввели насъ въ храмъ, гдѣ они служатъ Богу своему, мы не знали, на небѣ ли мы были, или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такой красоты, и разсказать о ней мы не умѣемъ; знаемъ только то,—что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и служба ихъ лучше всѣхъ. Всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, не захочетъ горькаго, такъ и мы не хотимъ здѣсь быти".—„Если бы худъ былъ законъ греческій,—сказали Владиміру созванные на совѣтъ бояре и старцы,—то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей."—„Гдѣ же мы примемъ крещеніе?" спросилъ Владиміръ.—„Гдѣ тебѣ угодно", отвѣчали бояре.

Крещеніе Владиміра.

Порѣшилъ Владиміръ принять христіанство; но не хотѣлъ онъ обращаться къ Грекамъ съ просьбою о присылкѣ священниковъ,—это значило бы подчиниться имъ. Владиміръ задумалъ походъ на греческій городъ Корсунь въ Крыму (близъ нынѣшняго города Севастополя); корсунцы, видя, что имъ не выстоять въ открытомъ полѣ противъ огромной рати Владиміра, заперлись въ городѣ.—„Простою три года, а возьму городъ", велѣлъ сказать Князь корсунцамъ. Городъ былъ окруженъ войскомъ со всѣхъ сторонъ;

всѣ пути къ нему были прерваны; вокругъ города Князь приказалъ сдѣлать высокую насыпь, чтобы удобнѣе было поражать осажденныхъ. Корсунцы подкопали стѣну и ночью разрушали сдѣланное за день непріятелемъ, а землю уносили въ городъ. Долго бы Князю пришлось стоять подъ Корсунемъ, если бы его не выручилъ случай. Въ городѣ нашелся доброжелатель Славянъ, который пустилъ въ станъ Владиміра стрѣлу съ запиской, гдѣ извѣщалъ: „перекопай колодецъ, который отъ тебя къ востоку: изъ него по трубѣ идетъ вода въ городъ".—„Если это сбудется, то крещусь," сказалъ Князь. Дѣйствительно, трубы перекопали; народъ изнемогъ отъ жажды, и городъ сдался.

—„Я взялъ вашъ славный городъ,—послалъ сказать Владиміръ греческимъ Царямъ;—слышалъ я, что у васъ сестра дѣвица; если не отдадите ея за меня, то и съ вашей столицей будетъ то же, что съ Корсунемъ." Еще въ памяти всѣхъ были нашествія Славянъ, и сильно опечалились Императоры. „Не въ обычаѣ выдавать христіанку за язычника",—отвѣтили наконецъ цари,—„если крестишься, то получишь руку сестры и царство небесное наслѣдуешь."—„Скажите имъ,—отвѣтилъ Владиміръ,—я крещусь. Еще прежде испыталъ я законъ вашъ, и нравится мнѣ ваша вѣра и служеніе." Цари-братья объявили о томъ сестрѣ Аннѣ и убѣждали ее выйти за Владиміра: „чрезъ тебя Господь обращаетъ Русскую землю къ покаянію, а Грецію избавляетъ отъ лютой брани. Развѣ не видишь, сколько Русь сдѣлала зла Грекамъ?" Сестра согласилась. „Иду, какъ будто въ плѣнъ, лучше бы мнѣ умереть здѣсь", говорила Анна. Царевна поѣхала въ Корсунь въ сопровожденіи многихъ священниковъ. Владиміръ встрѣтилъ ее съ великою честью. Въ это время, говоритъ преданіе, у него сильно заболѣли глаза. „Крестись скорѣе,—выздоровѣешь",—велѣла сказать ему Царевна.—„Если это сбудется, то поистинѣ великъ Богъ христіанскій", промолвилъ Князь. Обрядъ крещенія Владиміра былъ совершенъ съ великою пышностію Епископомъ Корсунскимъ; при крещеніи Князь нареченъ былъ Василіемъ. Когда же дѣйствительно глаза Князя исцѣлились, то онъ воскликнулъ: „Теперь я узналъ истиннаго Бога!" Вмѣстѣ съ Княземъ крестились многіе и изъ дружины. Затѣмъ совершено было и бракосочетаніе Князя съ греческой Царевной Анной.

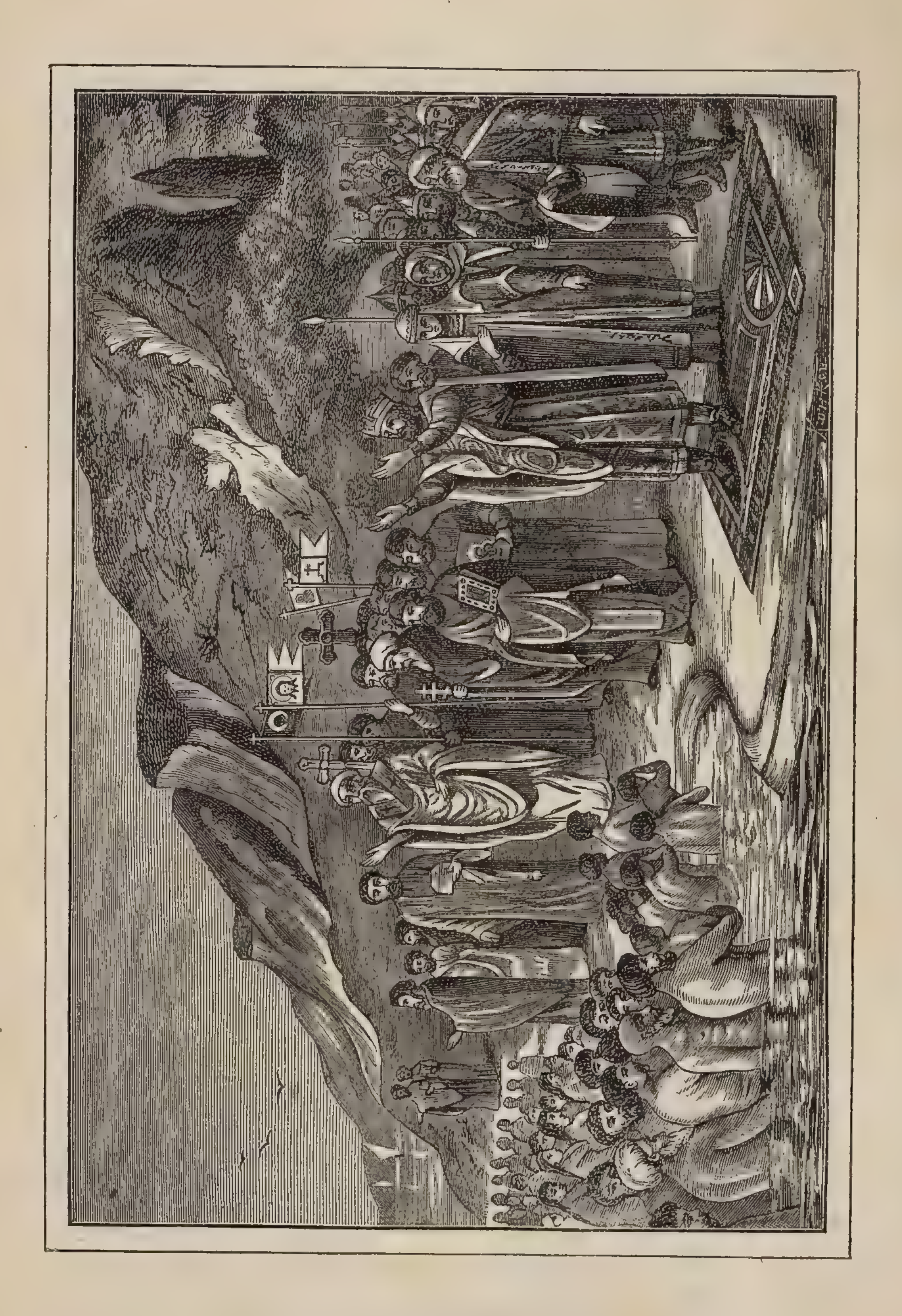
Возвращеніе Князя въ Кіевъ. Крещеніе Руси.

Князь взялъ съ собою греческихъ священниковъ и возвратился въ Кіевъ. Кіевляне вышли навстрѣчу князю—христіане съ крестами въ рукахъ радостно привѣтствовали его, а язычники были смущены, они сторонились отъ христіанъ.

Князь прежде всего крестилъ сыновей своихъ и дружину; а идола Перуна приказалъ сокрушить; его привязали къ хвосту дикой лошади и низвергнули въ Днѣпръ, воины бѣжали около него въ то время, когда его тащили къ рѣкѣ и били палками, а затѣмъ провожали его по Днѣпру, отталкивая отъ берега, если онъ приставалъ, приговаривая: „Перунище, много ты ѣлъ и пилъ, а теперь плыви!“ Язычники же бѣжали по берегу и кричали: „Выдыбай (выплывай), нашъ боже!...“—Смутились язычники, что поруганный богъ грома и молніи никого не поразилъ, а безпомощно поплылъ внизъ по рѣкѣ, и порѣшили креститься. „Если бы не было добро, то Князь и бояре не приняли бы крещенія!“ говорили они.

Вскорѣ на улицахъ появились греческіе проповѣдники, они собирали вокругъ себя народъ и учили новой вѣрѣ. Черезъ нѣкоторое время отъ Князя вышло повелѣніе: „кто не придетъ къ рѣкѣ, богатый или бѣдный, работникъ или нищій, тотъ будетъ противникъ Князю“. Въ назначенный день тысячи народа сошлись на берегъ Днѣпра; пришелъ и Князь съ духовенствомъ. Народъ вошелъ въ рѣку, взрослые держали на рукахъ младенцевъ, малыя дѣти стояли на берегу, священники читали молитвы; самъ Князь молился: „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣжду козни его!“ Такъ совершилось крещеніе кіевлянъ (988 г.).

Однако крещеніе самого Князя и дружины его далеко не на всѣхъ подѣйствовало; грубое язычество еще долго держалось, особенно въ глухихъ странахъ сѣвера. Сильное сопротивленіе христіанству было оказано въ Новгородѣ. Дядя Князя, Добрыня, пошелъ въ Новгородъ и по пути крестилъ народъ. Но когда новгородцы

узнали, что идетъ Добрыня крестить ихъ, то собрались на вѣче и рѣшили: „лучше умремъ, чѣмъ дадимъ на поруганіе своихъ боговъ!“ Разобрали Волховской мостъ и не пустили намѣстника въ городъ. Тогда Путята, воевода Владиміра, ночью переправился чрезъ Волховъ и поджегъ дома бунтовщиковъ; а потомъ подоспѣлъ и Добрыня съ дружиною и силою усмирилъ новгородцевъ и заставилъ ихъ подчиниться княжеской волѣ. Перунъ былъ сверженъ въ Волховъ. Плакалъ о немъ народъ, а княжеской воли не нарушилъ. — „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые не могутъ сами оборонить себя! Какой пользы ждете отъ нихъ!“ говорилъ смѣючись Добрыня.—„Добрыня крестилъ мечемъ, а Путята—огнемъ“, долго вспоминали новгородцы.

Послѣ принятія христіанства, Владиміръ совсѣмъ измѣнился: изъ суроваго воителя—сталъ мирнымъ устроителемъ земли, изъ мстительнаго и жестокаго—ласковымъ и добродѣтельнымъ; нищіе и убогіе находили на княжескомъ дворѣ ласку и привѣтъ. Слова евангельскія: „блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ“, и „продайте имѣнія ваша и дадите нищимъ“ — глубоко запали въ душу Князя; милосердію его не было границъ,—онъ даже не казнилъ разбойниковъ: „боюсь грѣха“, говорилъ онъ, и только послѣ долгихъ увѣщаній архіереевъ возобновилъ казни. — „Немощные и убогіе не могутъ дойти до моего двора“, говорилъ Князь и приказывалъ развозить имъ пищу по домамъ. Люди княжіи разыскивали больныхъ и убогихъ и развозили хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ и квасъ.

Вездѣ, на мѣстахъ низвергнутыхъ боговъ, были построены храмы; такъ, въ Кіевѣ построена церковь св. Василія, а на мѣстѣ убіенія первыхъ мучениковъ-христіанъ Ѳеодора и Іоанна— Десятинная, въ честь Божіей Матери,—въ Новгородѣ (Ярославъ) Рождества Богородицы и проч. Къ концу княженія Владиміра въ Кіевѣ было до трехсотъ церквей.

Для большаго укрѣпленія вѣры и образованія священниковъ изъ русскихъ,—Князь приказалъ при церквахъ обучать дѣтей. Но родители неохотно отдавали дѣтей въ ученье, — матери плакали по нимъ, какъ будто провожали ихъ въ могилу. Такъ основались первыя школы.

Распространеніе вѣры Христовой шло довольно успѣшно, по-

тому что за сто лѣтъ до крещенія Руси священныя книги были уже переведены съ греческаго на славянскій языкъ первоучителями славянскими, святыми *Кирилломъ и Меѳодіемъ*.

Послѣдніе годы своей жизни Князь Владиміръ провелъ на покоѣ въ с. Берестовѣ, около Кіева, а землю Русскую роздалъ въ управленіе своимъ сыновьямъ (ихъ было двѣнадцать); при себѣ онъ держалъ одного Бориса. Умеръ онъ въ 1015 году, оплакиваемый всѣмъ народомъ.

По смерти Владиміра земля Русская опять была потрясена усобицами князей; виновникомъ раздора явился старшій сынъ Владиміра—Святополкъ Окаянный, который убилъ Бориса Ростовскаго и Глѣба—Муромскаго; но и самъ погибъ въ борьбѣ съ Ярославомъ Новгородскимъ.

Во время этихъ усобицъ распространеніе христіанства пріостановилось; но съ новою силою оно возобновилось при Ярославѣ Мудромъ. Въ его княженіе Православная церковь сопричислила Князя Владиміра къ лику святыхъ.

Конецъ.

Цѣна 10 коп.